

2. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. – Т. VII. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 925с.

3. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. – Т. VIII. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 957с.

Король Д.А.,

*кандидат культурологи, доцент кафедры культурологии Национальный
Университет «Киево-Могилянская Академия»,*

Украина, г. Киев

Пространственные модели культа предков

Легенда про Пещеру Первотворения, увязанная на культ предков, распространена, пожалуй, по всей ойкумене. Именно с этим следовало бы увязывать мифологему самых разных народностей, где та или иная пещера, – не что иное, как вход в край умерших. Именно эта сакрализация породила весьма архаичные проявления благоговейного отношения к пространству пещер – здесь и наскальная живопись, и пещерные захоронения.

Нам кажется, что древние людские коллективы навещали пещеры именно в качестве святиль, и в своих многодневных ритуалах, проводимых из года в год поколениями, смогли оставить после себя немалое количество свидетельств жизнедеятельности, что не делает их именно «жилищем». Иными словами, тезисы о «пещерных людях» и том, что пещеры были домом палеолитических людей, мягко говоря, натянуты и необоснованны: слишком священным должно было выступать это пространство, чтобы претендовать на бытовую нагрузку. Но в этих «естественных храмах» – как бы в космическом пристанище посреди враждебного космоса [9, с. 56-58] – древние люди всё же могли пересидеть свои невзгоды, и возможно даже годами (как население средневекового города пряталось при эпидемии или нападении врага за монастырскими стенами).

Именно таким «космическим пристанищем» становились впоследствии заупокойные комплексы, в особенности коллективные (связанные с культом предков) – как например, коридорные гробницы, мегалитические дюссе и дольмены неолитической Европы. Они, по сути, моделировали собой некое подобие упомянутой Пещеры Первотворения [7; 8, с.139], и разумеется, выступали прежде всего «пространством единения с предками», а уже во вторую очередь погребальными сооружениями. В наибольшей степени модель святой пещеры первопредков раскрыта в культурах Мезоамерики [1; 5].

Как следствие, предполагается стойкий ассоциативный момент:

Естественно, подразумевалась и ассоциация с Чревом Праматери, откуда вышло человечество, и куда оно возвращается по окончании жизненного пути. В связи с чем, вполне логично уподобление планировки упомянутых дюссе (равно как и шахтных гробниц, и многих курганов) женскому лону. Не менее логичны в подобных сооружениях и естественных образованиях женские статуэтки с подчёркнутыми чертами материнства.

Фольклор сибирских народов регулярно наделяет порождающими коннотациями всевозможные расщелины, пещеры и древесные дупла. Одновременно они мыслятся проходом в Нижний мир [6, с.102], [9, с.28, 90] – но именно этот космический «низ» традиционно несёт функции начала начал (что вновь возвращает нас к вопросу о культе предков) [11].

Сказанное объясняет в том числе и распространённую с каменного века позу погребённого скорчено на боку (сперва в пещерах, далее – в могильниках). В данном случае это отсылка одновременно к позе эмбриона и к позе спящего. Смерть – сон – довольно древняя ассоциация по аналогии к зимнему «сну» – «умиранию» природы. И можно смело утверждать, что идея смерти – перехода (через странствие) – не менее древняя.

Мы полагаем, что именно в этих ассоциативных проявлениях должны скрываться основы погружений в состояние изменённого сознания, трансовые практики в пещерах и сама идея, что мир Иной – это некий лабиринт, запутанное пространство, где блуждают внетелесные духовные сущности. Путешествие шамана по подобному пространству родственно мытарствам «души», лишённой отмершего тела на пути к перерождению.

Обращаем внимание на соответствующие комментарии Галины Ершовой по поводу истоков мезоамериканской Шибальбы. «Пещера воспринималась как некое изначальное место творения потому, что она является как бы естественной депривационной, то есть изолирующей от всех раздражителей, камерой. (...) В условиях изоляции в пещере естественным образом активизируется правое полушарие головного мозга, провоцируя тем самым проявление некоего комплекса доречевого сознания, характеризующегося отсутствием логического осмысления действительности» [5, с.335-337].

Если проанализировать достаточно подробную иконографию майя классического периода, то связь пещерного символизма с нутром космической рептилии, женским порождающим чревом и одновременно раковинообразным лабиринтом становится наглядной и очевидной [1]. Нетрудно понять в этом случае ту потустороннюю нагрузку, которой

обладали в доколумбовых культурах витые раковины. Понятен и такой персонаж как Бог-Улитка-один из владык преисподни-Шибальбы.

Исходный миф подразумевал, что будущие «владыки» мира Иного, по сути, его и олицетворяли-само их тело было космическим всепожирающим и всепорождающим живым лабиринтом. Данные рассуждения должны быть применимы и к скандинавскому материалу на примере образа Хель, чей пещерный символизм и космическая териоморфность приоткрыты в исследованиях Н. Гвоздецкой [2].

Именно в этом ключе следовало бы понимать спирали и меандры, характерные для оформления приатлантических мегалитических конструкций. Точно так же как и выложенные камнями и нарисованные «лабиринты» (см. у А. Голана) [3]. Знаменитый мегалитический памятник Нью-Грандж в Ирландии, в сущности, и есть искусственная пещера-лабиринт, явно служившая в мистериальных действиях точно также, как и геоглифы пустыни Наска. Бег по особому путаному маршруту (нередко, в темноте с факелом) засвидетельствован этнографически как часть инициации и приобщение к первопредкам. Что заставляет по-новому взглянуть на причудливую и нелогичную планировку достославного Кносского Дворца.

Наконец, такой важный и древний источник потустороннего символизма как звёздное небо – одновременно пространство, тропа «странствий души» (чаще всего это Млечный Путь) и некое тело космического создания (напр., греч. Аргус). «Вход в пещеру и вход в пространство Млечного Пути сливались воедино и ощущались как выход бессмертной сущности человека в иное пространственное состояние» [5, с.337].

Звёзды привлекали взгляды человечества во все времена, – при этом не только в качестве завораживающего объекта благоговейного трепета, что естественным путём провоцировало религиозное отношение [14-15]. Но для охотников звёздный узор и в практическом применении издревле служил аналогом компаса, часов и топографической карты. Что объясняет особое внимание древних обществ с одной стороны к таким подвижным космическим объектам, как Луна, планеты и кометы, а с другой – к такому максимально неподвижному объекту, как Полярная Звезда.

По всему миру распространена мифологема, что звёзды являются посмертным воплощением умерших предков. По аналогии к собственным условиям быта, традиционные тувинцы полагали, что звёзды – это Небесные люди, обитающие в стеклянных юртах «верхнего мира». Сам же небесный купол мыслился гигантской юртой, а её дымовым отверстием именовали Полярную – мифический центр небес, служащий проходом в мир Иной.

Древние египтяне и древние арии размещали край предков на северном краю неба, под руководством Полярной Звезды. Классические жреческие тексты Египта отсылают к неким «небесным демонам», управляющим небесным аспектам загробной жизни, каковых Герман Кеес справедливо

отождествил с созвездиями звёздного неба [6, с.112]. Эта мифологема египетского посмертия Просветлённых намного древнее их «восточного края Дуат» с его обителью Ра, и даже западного края «Тростниковых Заводей». Есть причины полагать, что в додинастическом Египте особая роль отводилась именно культу предков и его связи со звёздами Северного полушария [6, с.137-139].

Древние египтяне, китайцы и в особенности население обеих Америк демонстрировали повышенное внимание к такому небесному скоплению как Млечный Путь – славянская «Дорога в Ирий», небесная Река, Мировое Древо одновременно космический Змей-прародитель. В мифологемах Мезоамерики мировая ось Млечного Пути соединялась с символизмом пещеры Первотворения в качестве пространства умерших предков и основы для реинкарнации.

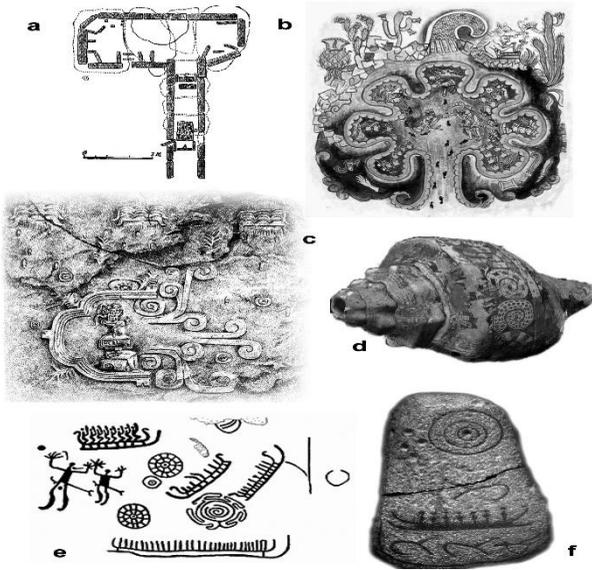
Рискнём предложить здесь решение ещё одной интриги: мол, как же могли объединяться представления о подземном обиталище предков в «нижнем мире» и их же территории среди звёзд. Ответом может послужить особое культовое почитание колодцев, распространённое среди традиционных коллективов по всей ойкумене. Ведь именно это глубокое, тёмное и влажное место, дарящее воду, способно отобразить звёздное небо даже среди дня (если заглянуть в глубокий колодец, в этом легко убедиться).

Сошлёмся также на исследования Г. Голыгиной по поводу древнейшей фольклорно-литературной традиции Китая. Исследовательница отмечает, что все старинные тексты Поднебесной обращены на деятельность первопредков (хтонических змееногих культурных героев), но если внимательно вчитаться – происходящие среди звёзд [4, с.7-8].

Наконец, последний примечательный момент архаической иконографии. Петроглифическое изображение «души» – именно так нам представляется логичнее всего расценивать так называемые «cup marks» или чашечные выемки среди наскальных изображений эпохи неолита-бронзы. Их изображения чаще всего окружают наскальные рисунки «кораблей смерти», солярные знаки и фигуры рожаящих женщин, а крестьяне Скандинавии ещё недавно обливали их по особым дням коровьим молоком, посвящая альвам. В свою очередь, связь германских альвов с культом предков аргументируется в скандинавистике достаточно давно (увы, но останавливаться на этом детальнее здесь возможным не представляется). Попытка отождествить упомянутые чашечные выемки со звёздным небом ещё недавно воспринималась с известной долей скепсиса, но в контексте вышеизложенного, выглядит в высшей степени аргументировано (что подтверждают и новейшие исследования древнего наскального искусства [12; 13; 16]).

Таким образом, вышеприведённый материал иллюстрирует, каким образом древний человек моделировал мифологическую взаимосвязь пространства скал и пещер, звёздного неба и посмертной трансформации.

При этом «Существование живых и мёртвых неразделимо – по-видимому, оно перетекает из одной системы бытия в другую, подобно полиэйконическим изображениям или оборотничеству, всё во всё перевоплощающему» [8, с. 151].

a-план мегалитической коридорной гробницы из Швеции (Klövagårdens, Вэстергётланд, Швеция); **b**-Чикомосток: «7 пещер Прародины» из ацтекского кодекса; **c**-ольмекский рельеф с Чалькацинго: первопредок - Улитка в пасти Шибальбы среди Вод Творения; **d**-ритуальная раковина-флейта (также орнаментированная раковиноидными спиралями) (Чушикуаро, Мексика. 300-900 н.э.); **e**-лабиринтообразные образы на фоне «кораблей мёртвых» (Бохуслэн, Швеция. Эпоха бронзы); **f**-солярно-лабиринтный символ, чашевидные выемки, «корабль мёртвых» (Клинтастенен, Смедбю, Эланд. Эпоха Миграций).

Литература

1. Бородатова А.А. Игра в мяч как путь в пещеру предков / Бородатова А.А. // История и семиотика индейских культур Америки. – М., 2002. – С.129-175.
2. Гвоздецкая Н.Ю. Семантика имени Nel в Старшей Эдде // Атлантика = Atlantica : зап. по ист. поэтике: сб. ст. / редкол. : О. А. Смирницкая (отв. ред.), Т. А. Михайлова, Т. Л. Шенявская. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – Вып. IV. – С. 3-33.
3. Голан А. Миф и символ. / Голан А. – М. : Русслит, 1993. – С. 123-131; 148-151.
4. Гольгина К.И. «Великий Предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I-XIII вв.). / Гольгина К.И. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 5-93.

5. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. / Ершова Г.Г. – М.: Новый Акрополь, 2007. – 416 с.
6. Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства. / Пер. с нем. И.В.Богданова. Под научн. редакцией А.С.Четверухина. – СПб.: Изд-во «Журнал "Нева"», – 2005. – С. 95-152; 169-184.
7. Король Д.О. Проблематика комплексного дослідження «мегалітичного» світогляду / Король Д.О. // Наукові записки НаУКМА. – Т. 114: Теорія та історія культури. – К.: Видавничий дім “КМ Academia”, 2011. – С. 55-62.
8. Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. / Лаевская Э.Л. – М., 1997. – С. 8-30; 122-201.
9. Львова Э.Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1988. – С. 28; 56-58; 90.
10. Петрухин В.Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 416с.
11. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – Глава 9. патриархальный семейно-родовой культ предков. – С. 255-265.
12. Coimbra F. The cup-marks in rock art in Western Europe. A contribute to its study and interpretation // Proceedings of the Congress “Leincisione rupestri non figurative nell’arco alpinomeridionale”. – Verbania: Museo del Paesaggio. 2001. – P.1-9. [www.artepreistorica.it]
13. Coimbra F. When open air carved rocks become sanctuaries: methodological criteria for a classification // Symbolic Spaces in Prehistoric Art – Territories, travels and site locations / (eds. Djindjan F.; Oosterbeek L.). – XV UISPP Congress Proceedings. – Oxford: Archaeopress, 2009. – P.99-104.
14. Joye Y., Verpooten J. Exploration of the Functions of Religious Monumental Architecture from a Darwinian Perspective // Review of General Psychology. – 2013. – Vol. 17, № 1. – P.53-68.
15. Keltner D. Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion / Keltner D., Haidt J. // Cognition and Emotion. – 2003. – № 17 (2). – P.297-314.
16. Lambert A. Cup-and-Ring Marked Stones in Ancient Mesoamerica / Lambert A. // Antrocom Online Journal of Anthropology. – 2014. – Vol. 10, №. 1 – P.111-119.

Печеніна Н.А.,

доцент, к. іст. н., доцент кафедри історії України, Криворізького педагогічного інституту ДВНЗ «Криворізький національний університет»

Україна, м. Кривий Ріг

Процес реабілітації в Україні (на прикладі Дніпропетровської області)

Однією з соціально значущих проблем національної історичної науки з 1990-х років стає проблема реабілітації жертв сталінізму. Масові репресії, що набули в 30-40-ві роки ХХ століття різних форм, були важливою умовою функціонування тоталітарного режиму. Відповідно до різного характеру репресій процес реабілітації, що розпочався після смерті Й.Сталіна, мав різний характер.